

Казахстанская ПРАВДА

Сабит ДОСАНОВ: Мой «двадцатый век»

Повод для очередной встречи с Сабитом Досановым, лауреатом Международной премии имени М. Шолохова, заслуженным деятелем РК, академиком Российской академии педагогических и социальных наук и Академии российской литературы, профессором — не только награждение казахского писателя российским орденом Г. Р. Державина, но и завершение им работы над романом-эпопеей «Двадцатый век».

— Сабит Аймуханович, казахстанские СМИ не оставляют без внимания как ваши публикации на родине, так и многочисленные переводы на русский и другие языки. Кстати, известный французский публицист Альбер Фишлер, еще десять лет назад, во время нашей долгой беседы в посольстве Казахстана в Париже, высоко оценил ваше творчество (цитирую статью в нашей газете): «Эта великолепная повесть («Белая аруана») не может оставить французского читателя равнодушным. Сабит Досанов является чутким рассказчиком и внимательным художником, показывающим прошлое, настоящее и будущее». И вот на склоне лет вы — признанный мэтр отечественной словесности, совершаете довольно рискованный шаг, на который решаются немногие мастера пера. Да и название романа-эпопеи обязывает ко многому — «Двадцатый век»...

— Многие, между прочим, так и думают, что работа над «Двадцатым веком» длилась всего-навсего три-четыре года, что роман возник как бы внезапно, словно по мановению волшебной палочки. Наверное, нужно, чтобы восторжествовала, как говорит мой старший друг Юрий Бондарев, «истина совести и правды», познакомить моих читателей с историей создания романа. Его первый том вышел более десяти лет назад, благодаря поддержке директора издательства «Санат» Серика Абдраимова. Тонкий знаток казахской словесности, Серик Абдраимович очень хорошо отнесся к тексту, но в рукописи — тридцать печатных листов: неподъемно. Мне пришлось собственными руками, сквозь слезы, сокращать роман. Семь печатных листов остались на письменном столе. Честно признаюсь: спешил, тема, крупная, очень серьезная, носилась в воздухе. Стремился побыстрее «застолбить», чтобы дорогие коллеги не перехватили. — **Значит, торопились и успели... А проза от скоростного режима работы не пострадала?** — Да, первый том, как вы говорите, рискованная затея... Я сам, не дожидаясь критических стрел и ударов, безжалостно и полностью забраковал этот начальный вариант. Написал заново. К тому времени полтора десятилетия не вылезал из архивов, дотошно расспрашивал сверстников, аксакалов, историков. Жил многими узловыми событиями прошедшего столетия. И наконец понял, что к самому крупному в моей творческой биографии сочинению меня призывают три мечты, три сильнейших желания. — **К счастью, имелись и ориентиры великой мощности: «Война и мир», «Тихий Дон», «Путь Абая»...** — Конечно, это так, но ведь без самостоятельного взгляда на мир, без собственного отношения к жизни и литературе, никакие ориентиры помочь не в состоянии. Решение создать эпическое произведение пришло лишь после того, как были написаны романы «Горная дорога» (там

главные герои — певица и художник») и «Вторая жизнь» (в центре повествования — выдающийся казахский поэт Касым Аманжолов). Вот первая мечта — роман-эпопея. Но в романе такого размаха не обойтись без героя, человека неординарного. Неспроста в последние десятилетия казахская проза все чаще «приглашает» то в повесть, то в роман крупные исторические фигуры, героев переломных эпох. Аблай-хан и Кабанбай-батыр по праву потеснили передовиков социалистического соревнования. Так оформилась вторая мечта: мне стало понятно — нужен положительный образ бая; пора покончить с коллективно-негативным портретом хозяина казахской степи. Мой Нурдаулет — умница, тонкий политик, прекрасный знаток и ценитель литературы, полковник царской армии, депутат Государственной думы, близкий друг деятелей «Алаша», человек высокой духовности, по зову сердца совершивший хадж. — **В романе-эпопее обязательна трагическая составляющая...** — Разумеется, у меня и в мыслях не было, как пишет Пушкин, нарочно «подмешать в поэтический бокал» побольше трагического, выжать слезу из читателя. Сама логика событий не позволила обойти трагические события в жизни моих героев. Так мы подошли к моей третьей мечте — об образе казахской женщины. Айжан росла сиротой, после встречи с нею Нурдаулет страстно влюбился, но бай Бектас (такие характеры наши классики передали правильно) украл девушку; ее насильно выдали замуж. С тяжелым сердцем писал я сцену, когда избитого до полусмерти Нурдаулета, пытавшегося спасти Айжан, приволокли к ней и сказали, что прикончат, если она не останется с насильником. — **И она осталась, не вырвалась из байского плена?** — Вырвалась. Нурдаулет искал любимую повсюду: от Омска до Москвы. А встретились они в Париже, куда мой герой приехал на съезд социал-демократов, на лестнице Сорбоннского университета, около бюста Гомера. Должен сказать, что о Гомере в Сорбонне я писал наугад, фантазировал. И только когда два года назад в Сорбонне состоялся мой творческий вечер и прошла презентация книги «Белая аруана» на французском языке, только тогда довелось воочию увидеть сорбоннского Гомера. Однако великий поэт сидел в кресле, как Вольтер, изваянный знаменитым скульптором Гудоном. — **Давайте вернемся к Айжан. Как сложилась судьба вашей героини?** — Айжан арестовали, она побывала в сибирской ссылке. И все же нестигаемый характер помог ей преодолеть злые превратности судьбы. Она стала замечательным историком, автором книг «Солнце встает с востока», «Восток и Запад», работала в московском Институте востоковедения. У моей Айжан, исполнившей свое жизненное предназначение, была справедливая цель. Немало страниц романа отдано бурной полемике середины прошлого века, в центре которой судьба и личность хана Кенесары. Читатель встретится с малоизвестными обстоятельствами того непростого времени. — **Немало страниц вы посвятили и столыпинской реформе начала прошлого столетия.** — Да, тогда плодороднейшие степные земли были объявлены собственностью Российской империи... Тот же Нурдаулет превратился в бедняка. Не могло не порадовать, что русские читатели с добрым пониманием отнеслись к этим правдивым страницам. К примеру, Феликс Кузнецов, когда первый том «Двадцатого века» пять лет назад обсуждался в Москве, на Международной конференции, посвященной моему роману, признался, что приступил к чтению с сомнением: ведь роман начинается с осуждения русского вторжения в казахские земли. Но автора, по мнению Кузнецова, нельзя упрекнуть в искажении исторической истины. Покоряет размах, психологизм. Убеждает еще и то, как он заметил, что «Сабит Досанов не сторонник одной краски: черной или белой». — **Обсуждался, как мы знаем, русский перевод первого тома. Известно, что вы очень требовательно относитесь к тому, как преобразуется ваша проза в переводе на русский язык. Как строились ваши отношения с переводчиком?** — Мне повезло необычайно. Юрий Владимирович Антропов, сам родом из Восточного Казахстана, к работе подошел с невероятной ответственностью. Составил подробнейший — на сорока страницах — конспект подстрочника. Спорили мы до хрипоты, обговаривали каждое слово. Строгий к слову мастер не скупился на резкие реплики в мой адрес. Я не отставал. Страсти кипели, слава богу, мирила нас жена Юрия Владимировича. Результат — замечательный. Я очень

доволен. К моей великой печали, Антропову не довелось перевести для русского читателя весь роман: Юрия Владимировича не стало, когда он только-только начал работу над вторым томом. На конференцию по моему приглашению пришли и жена, и сыновья Юрия Владимировича. — **Работа над переводом сейчас продолжается...** — Истинно так. Феликс Феодосьевич, по-отечески, близко к сердцу, принимающий судьбу русского перевода, предложил в переводчики Владимира Личутина, прекрасного прозаика, с превосходным пониманием глубин народного речевого строя, с чувством языка, но пришлось бы подождать полтора-два года. Окончательный выбор — по рекомендации Кузнецова — пал на Владимира Мирнева. Не сомневаюсь, что ему, хорошему прозаику, удастся завершить огромный труд, столь успешно начатый моим дорогим другом Юрием Владимировичем Антроповым. — **К вашей первой книге написал предисловие Сейтжан Омаров. Сабит Муканов писал, что ваше изображение отчего края волнует читателей. Так что вы в орбите читательского и писательского, пусть временами и неблагоприятно пристрастного, внимания...** — Понимаю, что вы имеете в виду и продолжу: очень тепло отзывался о моих книгах Мухамеджан Каратаев. Мне дорого одобрение аксакалов — Серика Кирабаева, Азильхана Нуршаихова, лауреата Государственной премии Оразбека Сарсенбаева. Да и молодежь читает меня внимательно, как и я стараюсь не пропускать произведения современных казахских прозаиков — Куандыка Туменбая, Аскара Алтая, Нургали Ораза, Айгуль Кемельбаевой, лауреатов премии «Алаш» Неспека Даутаева. Магиры Кожаметовой, Жаната Ахмади... — **Замечательно. Кстати, молодежь вас не только читает, но и издает: последние тома вышли благодаря попечению Аскара Алтая. Но это к слову. Итак, теперь, когда вы закончили роман-эпопею, каковы ваши дальнейшие творческие планы?..** — Поставив последнюю точку в романе, я принял решение: подождать откликов читателей, критиков, писателей. Не меньше шести месяцев буду читать и перечитывать не только отзывы, но и собственный текст. Исправлять, дополнять что-то, скорее всего, перепису. Знаете, за свою долгую жизнь в литературе, как вам известно, до моего семидесятилетнего юбилея осталось всего ничего, я неоднократно сталкивался с непониманием, даже с откровенным недоброжелательством. Проницательных и взыскательных суждений было куда меньше. Меня это обстоятельство никогда не смущало, не отнимало веры в свое предназначение. Наоборот. Как писал Константин Федин, «ветер гасит искру, а костер горит сильнее и ярче». Справедливые слова. Я продолжаю работать, соблюдая правило: «Ни дня без строчки».

Константин КЕШИН, фото из личного архива